

УДК 94. 430

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ГОСУДАРСТВ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ В РЕАЛИЯХ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ КОНЦА 1940 – НАЧАЛА 1950-х гг.

НЕКРЫЛОВА Ольга Геннадьевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии,
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается история европейской интеграции в послевоенный период, борьба между «федералистами», пытавшимися преодолеть уже свершившийся раздел Европы, и «реалистами», выступавшими за оформление этого раскола путем противопоставления Запада и Востока.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история, послевоенная Европа, европейский союз, политика интеграции, «холодная война».

EUROPEAN UNION OF STATES: 'FOR' AND 'AGAINST' DURING POSTWAR YEARS
(LATE 1940s - EARLY 1950s)

NEKRYLOVA O.G.,

Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of History and Archaeology,
Bunin Yelets State University.

ABSTRACT. The article examines the history of European integration in the post-war period, the struggle between "federalists" who tried to overcome the already accomplished division of Europe, and "realists", who advocated the formation of this split by opposing the West and the East.

KEY WORDS: history, postwar Europe, European Union, integration policy, "cold war"..

На разных этапах мировой истории идея об объединении Европы занимала умы известных политиков, философов, военных и писателей. Она выражалась в стремлении объединить Европу на реакционной идее Священного союза, в завоевательных походах Наполеона Бонапарта, в планах начала XX в. по созданию «Соединенных Штатов» Европы и «Срединной Европы». В 1920–1940-е гг. имели место европейские концепции итальянского фашизма и немецкого национал-социализма, практической стороной которых стали попытки установить нацистский «новый порядок» не только в Европе, но и во всём мире. Помимо этого, существовали проекты демократического направления европейских просветителей об установлении «вечного мира» на континенте, концепция единства демократической Европы в борьбе с деспотизмом, за свободу и равенство. Французский социалист Л. Блюм говорил в октябре 1939 г.: «Мы все время возвращаемся к одной и той же формуле, к тому же самому выводу: независимость наций в лоне федеративной и разоружившейся Европы» [4, с. 32].^{©1}

После окончания Первой мировой войны 1914–1918 гг. требование гарантий европейской безопасности встало на первое место в общем ряду многообразных устремлений к объединению Европы. Отметим активность графа Куденхове-Калерги и основанный им в 1924 г. «Панъевропейский союз», а также инициативу французского министра иностранных дел и президента Аристиды Бриана о создании союза европейских государств в рамках Лиги Наций. Но почва для этих разумных предложений была еще не готова, не в последнюю очередь из-за противодействия радикальных и националистиче-

ских сил и разразившегося в 1929 г. мирового экономического кризиса.

В годы Второй мировой войны единственной организацией, открыто выступавшей в защиту европейского единения, был швейцарский «Европейский Союз», именно он проложил мостик между довоенными и послевоенными представлениями о будущем облике европейского континента. Его воззвания воодушевили многие группы Движения Сопротивления на борьбу не только против фашизма, но и за образование новой Европы.

В самой Германии участники Сопротивления тесно связывали судьбу собственной страны с судьбой будущей демократической Европы и искали разнообразные пути общения с единомышленниками за границей. В мае 1942 г. была принята «Программа немецкой оппозиции для Германии и Европы», объявленная директором Исследовательского отдела всемирного Совета церквей в Стокгольме священником доктором Г. Шёнфельдом. В программе в качестве одной из важнейших целей выдвигалось требование формирования «европейской федерации свободных государств или наций, включая Великобританию, для тесного сотрудничества с другими федерациями наций. Этот европейский союз свободных наций, в который вошли бы также свободная польская и свободная чешская нация, должен был иметь общее правительство, под руководством которого была бы создана европейская армия для обеспечения длительного регулирования европейской безопасности» [4, с. 33].

Активный участник сопротивления нацистскому режиму граф Хельмут фон Мольтке писал в это же время своему другу в Англию: «Для нас Европа после войны – это меньше всего вопрос о границах и солдатах, о сложных организациях и больших планах. Европа после войны – это вопрос о том, как можно будет обновить образ человека в сердцах

© Некрылова О.Г., 2018

Информация для связи с авторами: nekrylova_80@mail.ru

наших сограждан. Это вопрос религии, воспитания, отношения к семье и труду, правильного соотношения между правами и обязанностями» [2, с. 33].

Европейская идея, несмотря на всю ее иллюзорность в первые послевоенные годы, была тем самым стержнем, вокруг которого могли объединиться здравомыслящие политики, понимавшие пагубность идеологии и политики мести и необходимость примирения европейских народов в рамках европейской общности. Они исходили из представлений обо всей Европе, ибо никто тогда не мог предугадать ее возможного и, как выяснилось, неизбежного раскола. Идея ограниченной, частичной интеграции одних лишь западноевропейских стран казалась участникам Сопrotивления предательством всей Европы.

Формально в заявлениях союзников по антигитлеровской коалиции о будущей Европе также говорилось как о едином и неделимом континенте, но единства в подходе к проблеме ее послевоенной судьбы не было.

Президент Ф. Рузвельт рассчитывал сформировать альянс государств для гарантии безопасности под руководством США, СССР, Великобритании и Китая, не допускающего существования разнообразных союзов и региональных группировок.

21 марта 1943 г. У. Черчилль выдвинул план организации европейского союза государств под непосредственным руководством Великобритании и без участия Советского Союза. Оба плана фактически предопределили будущий раздел мира на сферы влияния, хотя британский премьер-министр и подчеркивал, что будущий европейский союз даст возможность сохранить равновесие в блоке трех держав – США, Великобритании и СССР и не будет направлен против последнего. История доказала, что речь уже шла о блоковой международной политике, о создании противовеса потенциальной коммунистической гегемонии в Европе.

Как подчеркивает известный российский историк А. О. Чубарьян, «опыт мировой истории показывает, что во всех больших войнах, особенно с участием коалиции нескольких стран, по мере приближения победы усиливались споры и разногласия среди победителей» [1, с. 65]. После достижения глобальных целей войны – разгрома фашизма – стратегические установки держав диаметрально разошлись, СССР и США стремились сохранить и упрочить близкую им общественно-политическую систему в Европе и во всем мире.

По мнению немецкого историка К. Гастайгера, «Рузвельт стремился к созданию универсальной организации, которая занималась бы обеспечением длительного мира. Когда западные державы отказались от втягивания себя в соревнование с Москвой за наиболее благоприятные стратегические позиции в Восточной Европе, частью их усилий стали попытки побудить Сталина к сотрудничеству в международной мирной организации. Более того, Рузвельт был готов уступить Советскому Союзу сферу влияния в Восточной Европе и пойти тем самым навстречу его стремлению обеспечить свою безопасность. Будущая судьба Европы, таким образом, отступала на задний план перед желаемой картиной *единого мира*. В такой мировой перспективе американская политика в отношении Европы могла иметь лишь подчиненное значение. Ее ядром был тотальный разгром национал-социалистической Германии, ее будущий действенный контроль и нейтрализация. Включение Германии в общеевропейский порядок должно было стать последним этапом умиротворения Европы. . . Германия вплоть до 1989–1990 гг. оставалась как будто обойденным пятном на политической карте Европы и тем самым

долгое время нерешаемой центральной проблемой европейского мирного порядка» [4, с. 227–228].

Указанный автор упрекает США в недальновидной европейской политике, позволившей Советскому Союзу завоевать политически и экономически всю Восточную Европу и тем самым создать базу всемирной конфронтации, которая не могла быть преодолена никакой всемирной организацией вроде ООН. Тем самым народы этой части континента были выключены из процесса европейской интеграции. Однако и для его западной части на повестке дня стоял вопрос не о политическом, а, в первую очередь, об экономическом объединении. Именно в этом плане можно рассматривать создание в 1946 г. по инициативе США под эгидой ООН Европейской экономической комиссии «для планомерного сотрудничества в экономическом восстановлении Европы», причем речь шла обо всем европейском континенте. Ближайшие события европейской истории показали утопичность этих надежд – «холодная война» похоронила все возможности преодоления раскола Европы. В этих условиях начался пересмотр американской европейской политики, росло понимание краха надежд на единый, неделимый мир.

В первые послевоенные годы носителями европейской идеи выступали, прежде всего, частные европейские организации, видную роль в которых играли известные политические деятели, такие, как П. Рамадье, Р. Шуман, Ж. Монне, К. Аденауэр, А. де Гаспери. Однако чем сильнее европейская идея вторгалась в область государственной политики, тем жестче на нее оказывали давление национальные интересы и межгосударственные противоречия, тем активнее выражались расхождения между «федералистами» и «реалистами» в лагере ее сторонников. Идея европейской федерации была для многих европейских политиков в лучшем случае лишь отдаленной целью, в то время как ближайшей задачей они считали быстрое сплочение западных демократий перед лицом коммунистической угрозы. А для этого не было никакой необходимости в полном отказе от государственного суверенитета европейских стран.

В 1946 г. в своей речи в Цюрихе У. Черчилль заявил: «Нашей постоянной целью должно быть строительство и укрепление силы ООН. В рамках этого охватывающего весь мир плана мы должны создать новую европейскую семью, которая, возможно, будет называться Соединенными Штатами Европы. Первым шагом является создание Европейского совета. Если вначале не все государства Европы хотят или могут вступить в союз, мы, тем не менее, должны взяться за дело, чтобы объединить и сплотить те государства, которые хотят и могут это сделать» [3, с. 113]. В отличие от федералистов, Черчилль видел невозможность полного объединения Европы и ясно выразил свое негативное отношение к мифической концепции единого, неделимого мира. Он считал, что западноевропейские народы должны рассчитывать лишь на самих себя в своих самостоятельных действиях. Первым шагом к восстановлению самостоятельности Европы должно стать, по его мнению, налаживание партнерства между Францией и Германией, а затем создание «Европейского совета».

Таким образом, реалистическая точка зрения У. Черчилля провела четкую разграничительную линию между Востоком и Западом и фактически не оставляла места для несбыточных планов «федералистов». Свидетельством данного стало создание в декабре 1946 г. «Европейского союза федералистов», заявившего об «абсолютном отклонении создания любых блоков» и обвинившего Черчилля в

отступлении от идей федеративной Европы, а также в переходе на позиции образования особого западного блока государств. Неприятие блокового мышления «федералистами», пытавшимися преодолеть уже свершившийся раздел Европы, и сторонниками оформления этого раскола путем противопоставления Запада и Востока, включая и США, определяло стратегические концепции в понимании интеграционного процесса многими видными политиками того времени. Если первые настаивали на государственном союзе, то вторые – на союзе государств в «Европе отечеств». Противоречия между ними никогда не исчезали полностью, а проявлялись в той или иной форме в переломные моменты европейского единения. Они касались в первую очередь объема, методов объединения и будущего положения Германии в объединенной Европе.

Споры вызывало положение об отказе от части национального суверенитета в пользу общеевропейского суверенитета. Сторонников первой точки зрения возглавлял президент Франции де Голль, среди защитников второй идеи были такие выдающиеся политики XX в., как К. Аденауэр, Р. Шуман, П.-А. Спаак, А. де Гаспери. План Черчилля не затрагивал принципов национального суверенитета, он предполагал создание союза государств под защитой американского ядерного зонтика. Федералисты же, со своей стороны, настаивали на создании объединенного европейского федеративного государства, в которое в качестве его составной части должна войти контролируемая Германия и которое станет стабилизирующим центром между западным и коммунистическим мирами. Теперь, по обновленной концепции Черчилля, Европа, США и Англия должны были образовать три круга внутри Атлантического союза, причем ключевые позиции принадлежали бы Великобритании.

Сторонники обеих концепций впервые встретились для обсуждения насущных проблем европейского объединения на Гаагском конгрессе в мае 1948 г. Идеи Черчилля получили подкрепление в призыве к образованию Совета Европы и к консолидации объединительных усилий в рамках Европейского движения, первый конгресс которого состоялся в феврале 1949 г. в Брюсселе.

В 1949 г. после длительных переговоров был создан Совет Европы, в деятельности которого в начале приняли участие 10 членов. Статья первая устава Совета так определяла его цели: «Совет Европы стремится к более тесному сплочению своих членов для защиты и содействия идеалов и принципов, являющихся их общим наследием, и для совершенствования их экономического и социального прогресса». В компетенцию Совета не входили вопросы национальной обороны стран-участников. В его «Политическом заявлении» ничего не говорилось ни о целях европейского союзного государства, ни о необходимости общеевропейской конституции. Это был своего рода компромисс между сторонниками федерации и «реалистами», поэтому ряд авторов считает именно его создание началом подлинно-

го Европейского движения [5, с. 15]. Компромиссный характер создания Совета выразился в том, что он не имел наднациональных полномочий, хотя именно они были предметом основных стараний Европейского движения. Но в то же время факт его создания был вершиной усилий в процессе европейского единения. Компромисс был зафиксирован и в том, что решения министров иностранных дел, собиравшихся ежегодно, принимались единогласно и имели характер рекомендаций.

Но это было всё, что могли сделать за четыре послевоенных года частные объединения сторонников европейской интеграции, ибо радикальный идеализм федералистов постоянно наталкивался на трезвый прагматизм тех политиков, для которых национальные интересы своей страны были намного важнее с учётом фактического раскола Европы в тот момент времени.

Таким образом, в первые послевоенные годы инициативы по преодолению разделяющих европейских народов барьеров исходили в первую очередь от участников демократического движения Сопротивления, пытавшихся решить эту проблему на путях создания европейского федеративного государства. Они рассматривали будущую демократическую Европу как альтернативу тоталитарным режимам и исходили из понимания того, что, поскольку отдельные государства не смогли предотвратить Второй мировой войны, обеспечить мир и безопасность народов на континенте, поставить границы коммунистической экспансии сможет лишь объединенная Европа. Одновременно ими двигало желание положить конец препятствиям для свободного передвижения людей, товаров и капиталов внутри континента и надежда на его быстрый экономический подъем, стабильность и всеобщее процветание. Учитывались также интересы совместной обороны в условиях доминирующего положения на мировой арене США и СССР.

Подчеркнём, что для достижения этих общих европейских целей не было одной единственной модели или концепции. «Федералисты» предлагали создание стоящего над нациями общего политического порядка в форме федеративного союзного государства, в пользу которого национальные государства должны были отказаться от части своих суверенных прав. Однако поскольку основой политической идентичности европейских народов оставались национальные государства, то необходимые для решения совместных европейских проблем и задач шаги могли быть сделаны лишь по решению соответствующих государств. Поэтому европейское сотрудничество в тот первый период было возможно лишь в форме традиционной совместной работы или союза независимых, суверенных государств, а не подчинения их решениям наднациональных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Чубарьян, А. О. Происхождение «холодной войны» в историографии Востока и Запада [Текст] / А. О. Чубарьян // Новая и новейшая история. – 1991. – №3. – С. 65–67.
2. Die Europa is che Gemeinschaft [Text] // Information en zur politischen Bildung. – Neudruck, 1992.
3. Europa. Dokumente zur Europa is chen Einigung [Text]. – Munchen, 1962.
4. Gasteyger, C. Europa zwis chen Spaltung und Einigung 1945 bis 1933. Darstellung und Dokumentation [Text] / C. Gasteyger. – Bonn, 1994.
5. Weidenfeld, Wessels W. Europa von A – Z. Taschenbuch der europäischen Integration [Text]. – Bonn, 1994.